

ПОЪЗДКА ВЪ РИМЪ.

IV. Ватиканъ; внѣшній видъ его, составъ и исторiя. Когда сталъ онъ папской резиденцiей? Входъ въ ватиканъ. Швейцарская гвардiя папы и гвардiя почетная. Гдѣ живетъ папа и его „семья“? Достопримѣчательности ватикана. Сикстинская капелла и страшный судъ Микель-Анджело. „Pontificale“ въ ватиканскихъ фрескахъ. Зала непорочнаго зачатiя. Ватиканскiй узникъ. Ватиканскiе сады. Уничтоженiе свѣтской власти папы и истинный смыслъ папскаго ватиканскаго затвора.

Еще во времена далекой древности одинъ изъ холмовъ Рима получилъ наименованiе „ватиканскаго“, какъ думаютъ потому, что здѣсь, наряду съ несомнѣнно совершавшимися кровавыми очистительными жертвоприношенiями (taurobolia), происходили и прорицанiя, называвшiяся „ватичинiями“ (vaticinia). На этомъ самомъ холмѣ въ настоящее время живетъ новый своего рода оракулъ римско-католической церкви—Его Святѣйшество (Sua Santita), святой отецъ (Santo Padre), папа, котораго недавнiи quasi — вселенскiй ватиканскiй соборъ (1869—1870 г.) провозгласилъ непогрѣшимымъ учителемъ, имѣющимъ будто-бы власть и даръ при Божественномъ содѣйствiи безошибочно опредѣлять ученiе вѣры и нравственности, обязательное для всѣхъ вѣрующихъ. Всякiй благочестивый католикъ и любознательный туристъ не можетъ, конечно, будучи въ Римѣ, не посѣтить знаменитый ватиканъ; его неудержимо влечетъ туда интересъ и религiозный, и историческiй, и художественный. Поклоняющемуся римскимъ святынямъ нельзя не стремиться туда, гдѣ для

сотенъ милліоновъ католиковъ обитаетъ святыня живая: углубляющемуся въ тотъ безпредѣльный міръ преданій, который какъ бы воскресаетъ и воплощается въ памятникахъ Рима, невозможно миновать величественные чертоги ватикана, отображающіе въ себѣ всю многовѣковую исторію папства; наслаждающемуся художественными сокровищами вѣчнаго города нельзя не спѣшить все въ тотъ-же ватиканъ, богатѣйшіе музеи и галлерей котораго давно уже сдѣлали Римъ обѣтованною землею для всѣхъ служителей и любителей искусства.

Когда вы стоите на площади Св. Петра и любуетесь возвышающимся прямо предъ вами грандіознымъ храмомъ, взоръ вашъ невольно останавливается съ нѣкоторою досадою на какихъ-то довольно казарменнаго вида каменныхъ громадахъ, которыя линіями и углами своихъ, нѣсколько вкось поставленныхъ, четверугольниковъ очень близко подходятъ къ храму и высоко поднимаются надъ правую сторону его изящной колоннады. Монотонные, многоэтажные корпуса, уныло смотрящіе на васъ сотнями оконъ, благодаря своему положенію на самой вершинѣ холма, громоздятся даже выше кровли храма и тѣмъ сильно вредятъ красотѣ и величію производимаго имъ впечатлѣнія. Вотъ это мрачная каменная громада, даже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ міровымъ колосомъ поражающая своими размѣрами, и есть ватиканскій дворецъ, резиденція папы. Про него мало сказать дворецъ,—это не дворецъ, въ смыслѣ одного, хотя бы и громаднаго зданія; но цѣлая система построекъ, воздвигавшаяся въ продолженіи многихъ вѣковъ строителями самыхъ разнообразныхъ талантовъ и вкусовъ, а потому представляющая собою довольно безпорядочную въ общемъ и пеструю смѣсь зданій разной величины, разныхъ стилей и далеко не одинаковаго богатства. Нѣкоторыя изъ этихъ зданій первоначально имѣли видъ совершенно отдѣльныхъ, самостоятельныхъ построекъ, но затѣмъ, иногда нѣсколько вѣковъ спустя, къ нимъ дѣлали обширныя пристройки, а наконецъ ихъ и совсѣмъ соединяли съ другими зданіями иного вѣка и иного характера. Въ результатъ получилась цѣлая масса зданій двухъэтажныхъ, трехъэтажныхъ и четырехъэтажныхъ, то расположенныхъ правильными четверугольниками, то вкривъ и вкось громоздя-

щихся другъ надъ другомъ. Во всей этой громадѣ насчитывается до одиннадцати тысячъ комнатъ, двадцать большихъ и малыхъ внутреннихъ дворовъ, цѣлый рядъ музеевъ, девять галлерей, семь большихъ домовыхъ капеллъ, восемь роскошныхъ парадныхъ лѣстницъ и болѣе двухсотъ обыкновенныхъ, а ко всему этому примыкають обширные сады съ разбросанными въ нихъ павильонами, гротами и фонтанами, тѣнистые парки, огороды, мельница, виноградники и пр. и пр. Какъ величественный S. Pietro превозносится надъ всѣми христіанскими храмами вселенной, такъ и ватиканскій дворець, по рѣдкому сочетанію въ немъ громадныхъ размѣровъ съ необычайнымъ богатствомъ научныхъ и художественныхъ сокровищъ, безспорно занимаетъ почетнѣйшее мѣсто среди царственныхъ чертоговъ міра. Имѣетъ онъ свою многовѣковую исторію. Его основаніе приписываютъ еще папѣ Симмаху (VI в.) и даже Либерію (IV в.), но отъ этихъ первоначальныхъ построекъ не осталось уже ни малѣйшаго слѣда. Изъ развалинъ и конечнаго заустѣнія ватиканъ снова былъ призванъ къ жизни въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, при чемъ его новыми основателями были папы Евгеній III и Целестинъ III, и съ этой поры уже начинается его настоящая, непрерывная исторія, съ особеннымъ блескомъ развернувшаяся съ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка. Римскіе первосвященники эпохи возрожденія, стяжавшіе себѣ высокую славу своимъ щедрымъ покровительствомъ наукѣ и искусству, какъ будто соперничали другъ предъ другомъ, не жалѣя средствъ на все большее и большее расширеніе и украшеніе ватиканскихъ чертоговъ. Имена папъ: Николая V, Сикста IV, Александра VI, Юлія II, Льва X, Павла III, Григорія XIII и Сикста V навсегда неразрывно связаны съ постройками и художественными сокровищами ватикана, а по ихъ стопамъ шли и ихъ позднѣйшіе преемники, въ особенности Климентъ XIV и Пій VI (18 в.) и всѣ папы девятнадцатаго столѣтія, оканчивая Піемъ IX и Львомъ XIII. Каждый изъ этихъ первосвященниковъ какъ будто считалъ священнымъ долгомъ непремѣнно оставить по себѣ какую-либо память въ палатахъ ватикана. То воздвигалъ онъ совсѣмъ новое зданіе; то къ какому нибудь изъ прежнихъ дѣлалъ пристройку, или прибавлялъ этажъ; то перебрасывалъ галерею отъ одного зданія къ другому; то устраивалъ капеллу; то

разрисовывалъ стѣны залъ роскошными фресками; то создавалъ мраморныя или мозаическія полы и лѣстницы; то устраивалъ картинныя галлерей и музеи, наполняя ихъ драгоценными египетскими или этрусскими древностями, или гениальными произведеніями классической и современной скульптуры и живописи; то собиралъ богатую бібліотеку и архивы; то разводилъ сады и парки; то строилъ въ нихъ павильоны и фонтаны. Исполнителями папскихъ художественныхъ предначертаній являлись всегда талантливіѣшіе представители той страны, которая издавна славилась обиліемъ талантовъ; а потому посѣтителю ватикана на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о себѣ въ своихъ произведеніяхъ такіе выдающіеся, а часто и гениальные, художники, какъ: Браманте, Санъ Галло, Микель-Анджело, Рафаэль, Фонтана, Пинтуриккіо, Удине, Боттичелли, Росселли, Джуліо Романо, Гвидо-Рени, Леонардо да Винчи, Гверчини, Фра-Анджелико, Бернини и пр. и пр. — Вотъ въ этихъ-то чертогахъ и обитаетъ теперь папа. Не всегда однако ватиканскій дворецъ былъ папскою резиденціей. До эпохи Авиньонскаго плѣненія, т. е. до начала XIV вѣка, римскіе первосвященники лишь изрѣдка и временно жилали въ ватиканѣ, постояннымъ же ихъ мѣстопребываніемъ былъ дворецъ латеранскій подлѣ ихъ кафедральной базилики S. Giovanni. Когда папы оставили свою столицу и въ продолженіи цѣлаго семидесятилѣтія жили въ Авиньонѣ, покинутый ими латеранскій дворецъ, дважды (въ 1308 и 1360 г.) ставшій жертвою большаго пожара, пришелъ почти въ полное разореніе, а потому съ 1377-го года возвратившіеся снова въ Римъ первосвященники водворились въ ватиканѣ, который съ той поры и сталъ постоянною папскою резиденціей. Съ конца XVI вѣка соперникомъ ватикану выступилъ новый папскій дворецъ—квиринальскій, по этому сопернику скоро выпала на долю совсѣмъ иная, неожиданная для папскаго престола, судьба. Вершина квиринальскаго холма въ шестнадцатомъ вѣкѣ совсѣмъ еще не походила на внутреннюю часть города; она сплошь была покрыта богатою растительностію и, благодаря царившей тамъ тишинѣ и прекрасному воздуху, считалась однимъ изъ лучшихъ мѣстъ для пребыванія въ жаркое, лѣтнее время года. Богачи и вельможи Рима стали строить себѣ тамъ роскошныя виллы, въ тѣнистыхъ садахъ

и паркахъ которыхъ укрывались отъ городского шума и зноя. На мѣстѣ одной изъ такихъ виалъ, принадлежавшей кардиналу Караффа, Григорій XIII началъ въ 1574 г. постройку новаго папскаго дворца. Воздвигнутыя такимъ образомъ палаты квиринала служили для папы лѣтнею резиденціей, гдѣ проводилъ онъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ году. Квириналь-же сталъ и обычнымъ мѣстомъ конклава для избранія новаго первосвященника, такъ какъ внутреннее расположение и устройство его помѣщеній представляло болѣе удобствъ для этого акта, обставленнаго, какъ извѣстно, массою въ высшей степени затруднительныхъ и сложныхъ формальностей. Однако главною папскою резиденціей оставался все таки ватиканъ, куда, послѣ конклава, новоизбранный папа обыкновенно тотчасъ-же и препровождался съ торжественнымъ церемоналомъ. Большая или меньшая продолжительность пребыванія въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ дворцовъ зависѣла впрочемъ не столько отъ какихъ либо установленныхъ правилъ, сколько отъ личнаго расположенія того или другаго папы. Пій IX напр. въ первое время своего правленія постоянно жилъ въ квириналѣ. Здѣсь разыгрывалась вся исторія его первоначальныхъ либеральныхъ увлеченій, закончившаяся для него весьма печальнымъ финаломъ. Отсюда, вынужденный революціоннымъ настроеніемъ подданныхъ, папа, въ ночь на 25-е ноября 1848 года, переодѣтый простымъ патеромъ, бѣжалъ изъ Рима и своихъ владѣній, чтобы укрыться подъ покровительствомъ неаполитанскаго короля въ Гаэтѣ и затѣмъ вернуться въ свою столицу уже при содѣйствіи французскихъ штыковъ. Когда, послѣ почти полугодоваго пребыванія въ Гаэтскомъ изгнаніи, Пій IX, 12-го апрѣля 1850 года, возвратился въ Римъ, онъ не пожелалъ, чтобы его нога ступила еще разъ въ тотъ дворецъ, гдѣ пришлось ему пережить столько униженій и дойти до постыднаго бѣгства. Совершивъ благодарственное молебствіе въ храмѣ Св. Петра, онъ тотчасъ-же водворился въ ватиканъ, который съ той поры сталъ его неизмѣнною резиденціей и зимою и лѣтомъ. А послѣ сентября 1870 года если бы папа и захотѣлъ быть въ квириналѣ, ему уже не было къ тому возможности: квиринальскій дворецъ сдѣлался мѣстопребываніемъ короля объединенной Италіи, а римскій первосвященникъ превратился въ ватиканскаго

узника, такъ что и конклавъ 1878 года для избранія преемника почившему Пію IX-му имѣлъ мѣсто уже въ ватиканѣ.

Главный парадный входъ ватиканскаго дворца съ площади св. Петра. Здѣсь, на правой сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ колоннада, описавъ свой полукругъ, поворачиваетъ по прямой линіи къ портику храма, въ самомъ углу подъ колоннами виднѣются массивныя бронзовыя двери (Portone di bronzo), переступивъ порогъ которыхъ вы уже вступаете въ знаменитыя чертоги Его Святѣйшества. Первое, что невольно бросается въ глаза у самой двери,—это весьма живописная, но уже совсѣмъ архаическая фигура воина, подобныхъ которому приходится встрѣчать только на балетной или оперной сценѣ. Изъ подъ блестящихъ металлическихъ латъ съ наплечниками видны рукава и полы короткаго камзола, матерія котораго представляетъ собою ярко-пеструю причудливую смѣсь широкихъ продольныхъ полосъ краснаго, чернаго, желтаго и бѣлаго цвѣта. Широкія, заправленныя въ чулки, шаровары сдѣланы изъ той-же пестрой матеріи, а на головѣ металлическая каска съ пышнымъ, низко спускающимся, султаномъ изъ бѣлаго волоса. Въ правой рукѣ воинъ держитъ громадную алебарду, которая также, повидимому, пригодна для битвъ только балетныхъ. Въ лицѣ этого, теперь уже декоративнаго, героя вы видите представителя папской швейцарской гвардіи, — послѣдняго остатка той внушительной военной силы, которою располагали нѣкогда папы-государя. Свое начало при римскомъ дворѣ швейцарская гвардія ведетъ со временъ папы Юлія II, который былъ прежде епископомъ въ Лозаннѣ, а живописный костюмъ для нея впервые сдѣланъ по рисунку Рафаэля и съ той поры сохраняется безъ всякихъ измѣненій. Въ настоящее время папскіе гвардейцы по прежнему набираются въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи и служатъ по найму, получая всего лишь по пятидесяти франковъ въ мѣсяць. Такъ какъ всѣхъ ихъ теперь у папы только сто двадцать, то содержаніе этого маленькаго отряда не составляетъ, конечно, тяжелаго бремени при общемъ бюджетѣ въ два съ половиною милліона, ежегодно ассигнуемыхъ на содержаніе апартаментовъ и штата ватиканскаго дворца. Живутъ гвардейцы въ особыхъ казармахъ, помѣщающихся позади храма

Св. Петра. Первая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, что они держатъ постоянно караулъ въ трехъ, назначенныхъ для того, пунктахъ, а именно: на площадкѣ у большой передней предъ апартаментами папы и у двухъ главныхъ ватиканскихъ входовъ, т. е. у бронзовыхъ дверей и у проѣздныхъ воротъ, ведущихъ во внутренніе дворы ватикана. Интересно видѣть, какъ у этого послѣдняго пункта прошедшее сходится съ настоящимъ и два непримиримыхъ соперника прямо смотрятъ, такъ сказать, въ глаза другъ другу. *Cia dei Fundamenti*, начинающаяся у лѣвой стороны колоннады и огибающая храмъ Св. Петра мимо его абсиды, приводитъ на небольшую четверугольную площадку (*Cortile del Forno*) съ фонтаномъ посреди. На правую сторону этой площадки выходятъ въѣздныя ворота ватикана, подлѣ которыхъ стоятъ на караулѣ швейцарцы; а прямо противъ воротъ тянется улица (*Zessa*), составляющая уже территорію итальянскаго королевства, и здѣсь прохаживается часовой изъ арміи Виктора-Эммануила. Обратите свой взоръ направо, — предъ вами остатокъ отжившаго прошлаго въ своемъ пестромъ маскарадномъ костюмѣ опирается на бесполезную алебарду, а взглянете налево, — здѣсь представитель современности, въ темной солдатской формѣ и кэпи съ скорострѣльнымъ ружьемъ на плечѣ. Уже тридцать лѣтъ стоятъ здѣсь другъ противъ друга войны папства и Италіи и не намъ, должно быть, суждено увидѣть конечное разрѣшеніе вѣковаго спора тѣхъ идей, которыхъ они служатъ представителями. — Когда у бронзовыхъ дверей появляется кардиналъ, иностранный посланникъ, или вообще какая-либо высокопоставленная особа, тотчасъ, по данному сигналу, отдаетъ ему честь цѣлая дюжина швейцарцевъ, которая для этой цѣли постоянно дежуритъ въ находящейся тутъ караульнѣ. Помимо этихъ ежедневныхъ обязанностей, швейцарская гвардія неизмѣнно принимаетъ участіе во всѣхъ торжественныхъ папскихъ выходахъ и церемоніяхъ. — И на караулахъ и на церемоніяхъ ватиканскаго дворца выступаетъ впрочемъ не одна лишь швейцарская гвардія; ея трудъ раздѣляютъ съ нею жандармерія и гвардія почетная. Корпусъ папскихъ жандармовъ, состоящій также изъ ста двадцати человѣкъ, несетъ службу по внутренней охранѣ ватикана. На дворахъ и садахъ, въ галлереяхъ, на лѣстницахъ, въ корридорахъ, — всюду посѣти-

тель встрѣчаетъ жандарма, наблюдающаго за порядкомъ и охраняющаго ватиканскія сокровища. Что касается торжественныхъ церемоній, то въ нихъ вмѣстѣ съ швейцарцами принимаетъ дѣятельное участіе гвардія почетная. Она раздѣляется на два корпуса, которые носятъ названія гвардіи дворянской (*guardia nobilia*) и гвардіи дворцовой (*palatina*). Начало ей положилъ папа Пій VII, по совѣту кардинала Консалви, чтобы привлечь къ себѣ высшую римскую аристократію и по возможности утвердить ее въ приверженности къ папскому престолу. И въ настоящее время папская дворянская гвардія представляетъ собою цвѣтъ той итальянской знати, которая еще не покинула ватиканъ для квиринала и остается пока вѣрною притязаніямъ папства. Небольшой корпусъ ея состоитъ всего изъ шестидесяти двухъ человекъ, причѣмъ въ составъ его принимаются лишь молодые люди въ возрастѣ отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ, безукоризненнаго здоровья, несомнѣнно-аристократическаго происхожденія и обладающіе капиталомъ не менѣе 20,000 франковъ. Никакого оклада эти гвардейцы не получаютъ и единственнымъ вознагражденіемъ за службу является для нихъ почетное придворное положеніе и возможность порисоваться въ блестящей формѣ на торжественныхъ церемоніяхъ. Форма ихъ дѣйствительно очень изящна и красива. Узкій, доходящій только до талии, темноснѣій мундиръ съ короткими фалдами назадъ, бѣлые кожаные рейтузы, высокіе лакированные сапоги, густыя блестящія эполеты, широкая прорѣзная металлическая перевязь, идущая, подобно орденской лентѣ, чрезъ правое плечо по всей груди и спинѣ, и блестящая металлическая-же каска съ такимъ-же высокимъ гребнемъ придаютъ папскому аристократу-гвардейцу видъ, весьма напоминающій нашего кавалергарда. Со времени Пія IX-го къ этой дворянской почетной гвардіи присоединилась еще гвардія дворцовая, состоящая изъ 400 человекъ и набираемая изъ буржуазіи, мѣщанъ и ремесленниковъ. Главная обязанность обѣихъ этихъ гвардій состоитъ лишь въ томъ, чтобы въ случаѣ надобности являться по призыву въ ватиканъ и принимать тамъ участіе въ торжественныхъ церемоніяхъ и папскихъ выходахъ. Въ обычное же время только весьма немногіе изъ нихъ дежурятъ въ нѣсколькихъ приемныхъ залахъ. Вся вооруженная сила папы

въ настоящее время состоитъ такимъ образомъ лишь изъ семисотъ человекъ, причеиъ эта сила ни по своему составу, ни по свойству своего вооруженія, не можетъ быть названа военною въ настоящемъ смыслѣ слова: она пригодна лишь для полицейской охраны да для участія въ церемоніяхъ, что только и требуется для папы послѣ того, какъ онъ пересталъ быть въ Италіи свѣтскимъ государемъ.

Отъ бронзовыхъ дверей, параллельно идущей снаружи колоннадѣ, тянется во всю длину ея широкой, высокой и свѣтлой корридоръ, который оканчивается монументальною лѣстницей, устроенной Санъ-Галло и Бернини и соединяющей ватиканъ съ портикомъ храма Св. Петра (Scala Regia.). Въ начальной части этого корридора есть поворотъ направо, гдѣ въ 1860 г., по приказанію Пія IX-го, устроена великолѣпная бѣлаго мрамора лѣстница (Scala Pia), чрезъ которую идетъ путь къ двору св. Дамаса, окруженному крытыми галереями, такъ называемыми ложами Браманте и Рафаэля, и затѣмъ къ апартаментамъ папы. Приемныя и жилыя папскія комнаты не всегда впрочемъ находились въ одномъ какомъ либо мѣстѣ громаднхъ чертоговъ. Въ XV и XVI в. папы обитали въ одномъ изъ центральныхъ ватиканскихъ корпусовъ, который называется дворцомъ Николая V и довольно близко подходитъ къ храму св. Петра. Здѣсь жилое помещеніе папы находилось или въ первомъ этажѣ, въ такъ называемыхъ теперь апартаментахъ Борджіа, какъ это было напр. при Александрѣ VI, или во второмъ, въ тѣхъ залахъ, которыя извѣстны въ настоящее время подъ именемъ станцевъ Рафаэля (stanze—комнаты), какъ это было при папахъ Николаѣ V и Юліѣ II. Въ концѣ XVI в. по желанію папы Сикста V и по планамъ архитектора Фонтаны, къ прежнимъ ватиканскимъ постройкамъ присоединенъ былъ еще новый большой дворецъ, и доселѣ называющійся дворцомъ Сикста V-го. Эта постройка, въ формѣ массивнаго съ внутреннимъ дворомъ четверугольника, непосредственно примыкаетъ къ восточной сторонѣ двора св. Дамаса и представляетъ собою, вмѣстѣ съ прежнею полукруглою башней Николая V-го, крайнюю оконечность ватикана, смотрящую на Тибръ и главную часть города, причеиъ южный фасадъ новаго дворца возвышается прямо надъ колоннадой, а предъ окнами его открывается широкая панорама всего Рима. Вотъ

эта-то южная сторона новаго дворца, въ десять оконъ по фасаду, и стала со времени Сикста V резиденціей папы. Жилыя папскія комнаты сперва помѣщались здѣсь въ первомъ этажѣ; но Климентъ VIII (1592—1605) перенесъ ихъ во второй этажъ ¹⁾, гдѣ онѣ остаются и до настоящаго времени: а надъ ними, на самомъ верху,—апартаменты главнаго исполнителя папскихъ предначертаній, перваго министра и статсъ-секретаря папы, кардинала Рамполлы. Въ этой части ватикана обитаетъ вся такъ называемая „первосвященническая семья“ (famiglia), т. е. весь тотъ придворный штатъ, который постоянно окружаетъ папу и служитъ какъ для удовлетворенія его личныхъ потребностей, такъ и для ближайшаго содѣйствія ему въ его церковной дѣятельности. Во главѣ папской фамиліи стоятъ дворцовые кардиналы, какъ напр. кардиналь-продатарій, кардиналь статсъ-секретарь, кардиналь секретарь бреве и кардиналь секретарь прошеній; затѣмъ слѣдуютъ прелаты: майордомъ, аудиторъ и др., изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ санъ титулярныхъ епископовъ и архіепископовъ; за ними идетъ длинный рядъ камераріевъ разныхъ наименованій, и духовныхъ и свѣтскихъ, и прелатовъ домовыхъ, раздѣляющихся на шесть коллегій. Между всѣми членами этого многочисленнаго придворнаго штата и распредѣляются обязанности службы какъ дворцовой, такъ и той церковно-правительственной, которая не находится въ вѣдѣніи консисторій, конгрегацій и другихъ высшихъ церковныхъ учреждений. Для личныхъ потребностей папы служатъ: частный секретарь его, духовникъ, который вмѣстѣ и ризничій (sacrista), т. е. завѣдующій святынями и богослуженіемъ ватикана, докторъ и камердинеръ. Ко всему этому нужно еще, наконецъ, прибавить носильщиковъ, которые носятъ папу и при торжественныхъ церемоніяхъ и при его передвиженіяхъ по огромнымъ внутреннимъ пространствамъ ватикана, разнаго рода низшихъ слугъ и лакеевъ, кучеровъ, пѣвчихъ, садовниковъ и пр. и пр. Значительная часть этого штата обитаетъ въ ватиканѣ и наполняетъ главнымъ образомъ именно тотъ дворецъ Сикста V, гдѣ находятся и апартаменты самого папы.

¹⁾ По принятому у насъ счету, это собственно уже третій этажъ, такъ какъ на западъ нижній этажъ (rez-de-chaussée) въ общій счетъ обыкновенно не принимается.

Пріемныя залы и жилия помѣщенія, занимаемая папою, сами по себѣ не представляютъ чего-либо особенно выдающагося. Весь интересъ, конечно, сосредоточивается здѣсь только на личности папы, а потому посторонніе посѣтители при осмотрѣ ватиканскихъ достопримѣчательностей въ эту часть дворца обыкновенно не проникаютъ и допускаются лишь въ томъ случаѣ, когда имѣютъ желаніе и право присутствовать при какихъ либо папскихъ пріемахъ, или частныхъ аудіенціяхъ. Богатѣйшія сокровища науки и искусства, собранныя или созданныя въ продолженіи многихъ вѣковъ стараніями цѣлаго ряда просвѣщенныхъ первосвященниковъ Рима, наполняютъ собою множество залъ въ центральной и въ особенности въ западной части ватиканскихъ построекъ, куда главнымъ образомъ и стремятся толпы образованныхъ людей всѣхъ національностей, чтобы и насладиться и поучиться въ знаменитой сокровищницѣ вѣчнаго города. Здѣсь въ назначенные дни и часы любознательному взору посѣтителя предлагаются для осмотра: Сикстинская и Паулинская капеллы, а также капелла Николая V-го, аппартаменты Борджіа, станцы и ложи Рафаэля, пинакотека, галереи: надписей, канделябрь, тканыхъ шпалеръ, географическихъ картъ, бібліотека, музеи: христіанскихъ древностей, Кіарамонти, Піо-Климентинскій, этрусскій, египетскій и т. д. Нѣсколько дней необходимо посвятить даже на самый бѣглый обзоръ всѣхъ этихъ обширныхъ и въ высшей степени богатыхъ по содержанію коллекцій и помѣщеній; желающій-же познакомиться съ ними болѣе или менѣе основательно долженъ пожертвовать на это дѣло и не одну недѣлю. Я не буду, конечно, описывать эти сокровища науки и искусства: это значило бы написать цѣлую большую книгу, по необходимости лишь повторяя въ ней то, что уже много разъ писано было специалистами классиками, археологами и художниками, т. е. людьми, гораздо болѣе меня компетентными въ этихъ областяхъ. Побывавши въ Римѣ лишь на короткое время и совсѣмъ не съ цѣлю серьезнаго изученія его художественныхъ сокровищъ, я упомяну изъ ватиканскихъ достопримѣчательностей только о томъ, о чемъ умолчать нѣтъ возможности, или что особенно привлекло мое вниманіе съ точки зрѣнія того specialнаго интереса, какимъ руководился я въ своемъ путешествіи.

Какъ всякій римскій туристъ, много начитавшись и слышавшись предварительно о необычайныхъ красотахъ Сикстинской капеллы, я прежде всего стремился именно туда и съ величайшимъ нетерпѣниемъ. Почти безъ остановокъ спѣшилъ я отъ бронзовыхъ дверей чрезъ громадный корридоръ и девяносто одну ступень великолѣпной *scala regia*: лишь бѣгло осмотрѣлъ интересныя фрески той величественной царской залы (*sala regia*), гдѣ нѣкогда папы торжественно принимали пословъ отъ королей и императоровъ, и какъ можно скорѣе торопился переступить порогъ знаменитаго, прославленнаго во всемъ мѣрѣ святилища. Совсѣмъ не художникъ я, не тонкій цѣнитель, не пламенный поклонникъ искусства, да и вообще не особенно склоненъ къ восторгамъ и увлеченіямъ; но, признаюсь, входилъ въ капеллу съ какимъ-то невольнымъ, самого меня удивлявшимъ, благоговѣніемъ и замираніемъ сердца. Очевидно, такова была сила создавагося во мнѣ предрасположенія, что весь я поглощенъ былъ напряженнымъ, радостнымъ ожиданіемъ увидѣть сейчасъ нѣчто дивное, нѣчто такое, что сразу захватитъ, очаруетъ, вознесетъ къ небесамъ и доставитъ высочайшее изъ возможныхъ на землѣ наслажденій. Ожидалъ я, однимъ словомъ, какого-то чуда и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, конечно, разочаровался. Сикстинская капелла, построенная Джіованнино Дольчи по мысли папы Сикста IV, разрисованная Росселли, Гирландайо, Синьорелли, Боттичелли, Перуджино, Пинтуриккю, Микель-Анджело и вступившая теперь уже въ пятый вѣкъ своего существованія, совсѣмъ не принадлежитъ къ числу такихъ сооружений, которыя способны сразу поразить человѣка силою производимаго ими впечатлѣнія. Напротивъ, если посетитель слишкомъ высоко настроенъ переступая ея порогъ, ему при первомъ взглядѣ, неизбѣжно выпадаетъ на долю испытать нѣкоторое недоумѣніе и разочарованіе. Предъ вами открывается довольно узкій, высокій и длинный четверугольникъ въ двадцать сажень длины и около семи сажень ширины, прикрытый сводообразнымъ потолкомъ и съ совершенно гладкими, кромѣ одного средняго карниза, стѣнами, безъ всякихъ колоннъ, пли какихъ бы то ни было архитектурныхъ украшеній. Общій тонъ помѣщенія довольно мрачный. Узкія полукруглыя окна, по шести съ обѣихъ сто-

ронъ, помѣщаются высоко подь потолкомъ, такъ что вся нижняя половина капеллы далеко не можетъ похвастаться обиліемъ свѣта; а разрисованныя стѣны и потолокъ представляются довольно сильно почернѣвшими отъ вѣками скоплавшейся здѣсь копоти свѣчь и еиміама и даже отъ дыма костра, который будто-бы развели здѣсь нѣкогда (въ 1527 г.) при разгромѣ Рима буйные ландскнехты императора Карла V, предводимые коннетаблемъ Бурбономъ. Тонкая прозрачная рѣшетка, утверждающаяся на сплошномъ основаніи и высокихъ колонкахъ бѣлаго мрамора съ проходомъ по срединѣ, раздѣляетъ капеллу на двѣ части, изъ которыхъ ближайшая ко входу предназначается для мірянъ, а дальнѣйшая для клира. На небольшомъ возвышеніи у передней стѣны, прямо къ ней примыкая, помѣщается престоль, у лѣвой—подъ балдахиномъ мѣсто для папскаго трона, а въ правой, ближе къ рѣшеткѣ,—огражденная балюстрадой ниша для пѣвчихъ. Въ общемъ, все это, нѣсколько мрачное и чуждое всякихъ претензій на роскошь, святилище производитъ впечатлѣніе нѣкоторой обветшалости и какъ будто запущенности, тѣмъ болѣе что теперь, благодаря слабости и престарѣлости папы, почти совсѣмъ нѣтъ въ немъ жизни и не бываетъ обычныхъ торжественныхъ папскихъ богослуженій. Все богатство и величіе Сикстинской капеллы въ тѣхъ знаменитыхъ фрескахъ, которыми сплошь покрыты и потолокъ ея, и простѣнки оконъ и всѣ стѣны, кромѣ лишь нижней панели; а потому чтобы понять и оцѣнить ее нужно не первое впечатлѣніе, не общій поверхностный взглядъ, а внимательное подробное разсмотрѣніе каждаго кусочка въ отдѣльности, иногда даже и не безъ труда и напряженія, благодаря дальности разстоянія, потемнѣвшимъ краскамъ и недостатку освѣщенія. Это цѣлая галлерей, гдѣ почти каждая картина въ своемъ родѣ *chef-d'oeuvre*, способный доставить зрителю высокое наслажденіе. Главнымъ содержаніемъ картинъ служатъ событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, причемъ потолокъ занятъ изображеніями сотворенія міра и человѣка, грѣхопаденія первыхъ людей, потопа и др., а также фигурами ветхозавѣтныхъ пророковъ и сивиллъ; простѣнки оконъ—портретами двадцати восьми папъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства; лѣвая стѣна — большими картинами изъ исторіи Моисея, какъ напр. переходъ из-

раильтянъ чрезъ Черное море, законодательство на Синаѣ и т. д. а правая—событіями исторіи евангельской, каковы напр. крещеніе Господне, искушеніе І. Христа въ пустынѣ, нагорная проповѣдь, тайная вечеря и т. д. Описывать эти сокровища искусства мнѣ нѣтъ, конечно, возможности; ихъ нужно видѣть и чувствовать, чтобы непосредственно на себѣ самомъ испытать всю силу ихъ обаянія, и почти предъ каждымъ изъ нихъ смѣло можно простоять по нѣсколькимъ часамъ: до такой степени превосходна, жизненна и полна глубокой мысли здѣсь всякая группа и почти всякая отдѣльная фигура. Невозможно забыть напр. великолѣпныя группы Гирландайо и Росселли, изображающія призваніе апостоловъ Петра и Андрея и врученіе Господомъ ключей ап. Петру; но въ особенности сильное впечатлѣніе производитъ дивный потолокъ капеллы, гдѣ каждый аршинъ, разрисованный гениальною кистью Микель-Анджело, представляетъ собою такую предель, отъ которой восхищенному взору зрителя трудно оторваться. Мощная, величественная, парящая въ небесахъ фигура Бога-Вседержителя, окруженная сонмомъ ангеловъ; чудная красавица Ева, только что ишедшая отъ ребра Адамова, превосходныя изображенія языческихъ свилль и св. пророковъ, въ особенности Исаи, Захаріи и Іоня такъ неизгладимо врѣзаются въ памяти съ перваго же взгляда, что до сихъ поръ стоятъ у меня предъ глазами, какъ живыя. Но вотъ и послѣднее грандіознѣйшее произведеніе того же Микель-Анджело,—его знаменитый страшный судъ. Эта громадная фреска, надъ которой шесть лѣтъ трудился (1535—1541 г.) гениальный, уже престарѣлый тогда ¹⁾, художникъ, занимаетъ всю переднюю стѣну капеллы отъ престола до свода потолка и, какъ „божественная комедія“ Данте, которою и вдохновлялся М. Анджело, представляетъ собою нѣчто въ своемъ родѣ единственное. На первомъ планѣ картины—сопровождаемый парящими позади ангелами, грозный Божественный Судья, къ которому со сложенными на груди руками преклоняется Пречистая Богоматерь, какъ бы умоляя за подсудимое челоуѣчество. Наверху, по обѣимъ сторонамъ, двѣ группы ангеловъ, несущихъ орудія

¹⁾ Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ начинать свою работу.

страданій Спасителя: крестъ, колонну, къ которой Онъ былъ привязанъ для бичеванія, губу, копье и пр. На уровнѣ центральныхъ фигуръ, со всѣхъ сторонъ тѣснятся къ грозному Судіѣ патріархи, пророки, апостолы, исповѣдники и мученики, изъ которыхъ многіе несутъ съ собою орудія своихъ мученій: Св. Ап. Андрей—крестъ, Св. Лаврентій—рѣшетку. Св. Екатерина—колесо, Св. Варесломей—содранную съ него кожу и т. д. Внизу, подъ грознымъ Судіею—группа ангеловъ съ длинными трубами, возвѣщающихъ судъ міру, а [въ отвѣтъ на ихъ мощный призывъ устремляются толпы людей и мертвые поднимаются изъ отверзающихся могилъ. Праведники восходятъ на небо при содѣйствіи ангеловъ и святыхъ, которые простираютъ имъ руку помощи; а съ другой стороны видна ожесточенная борьба между грѣшниками, которые стремятся наверхъ, и ангелами, которые толкаютъ ихъ снова въ бездну, гдѣ ждутъ ихъ и куда увлекаютъ ихъ торжествующіе демоны. Въ нижнемъ правомъ углу картины Харонъ съ огненными глазами толкаетъ въ адскую рѣку свою лодку, ударами весла загоняя въ нее воющую толпу отверженныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что грандіозная картина, на которой насчиталъ я болѣе двухсотъ тридцати фигуръ, способна произвести на зрителя могучее, потрясающее впечатлѣніе тою необычайной яркостью и силой, съ какими выражены здѣсь всѣ моменты великой трагедіи человечества; но нельзя не сознаться и въ томъ, что гениальное произведеніе можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оттолкнуть и привести въ недоумѣніе. При всѣхъ своихъ высокихъ художественныхъ красотахъ, въ общемъ картина представляетъ собою нѣчто въ высшей степени оригинальное, даже прямо страшное. Художнику пришла удивительная идея, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своей картины изобразить совершенно нагими, не исключая и Самого Христа Спасителя и Пресвятую Дѣву, такъ что предъ недоумѣвающимъ взоромъ зрителя открывается необыкновенная выставка многихъ десятковъ обнаженныхъ тѣлъ во всевозможныхъ видахъ и положеніяхъ. Само собою разумѣется, что такой странный характеръ картины совсѣмъ не мирится съ ея религіознымъ содержаніемъ и съ высокимъ, священнымъ значеніемъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя занимаютъ въ ней господствующее положеніе. Это было замѣчено еще многими изъ современни-

ковъ М. Анджели, когда его картина далеко еще не приведена была къ своему окончанію; но художникъ упорно стоялъ на своей идеѣ, не желалъ допускать ни малѣйшихъ уступокъ и настойчиво отклонялъ всякіе совѣты и внушенія. По поводу его картины церемоніймейстеръ римскаго двора Біаджіо Чезена говорилъ папѣ Павлу 3-му, что эти нагія фигуры болѣе умѣстны въ банѣ, чѣмъ въ капеллѣ; но за такую критику ему пришлось довольно жестоко поплатиться. Въ толпѣ отверженныхъ подлѣ лодки Харона М. Анджело нарисовалъ самого Чезену въ образѣ судьи Миноса съ ослиными ушами и съ тѣломъ обвитымъ змѣею. Чезена жаловался папѣ и требовалъ уничтоженія оскорбительной каррикатуры; но папа отвѣчалъ ему: „если бы М. Анджело помѣстилъ тебя въ чистилище, нашлось бы средство спасти тебя; но противъ ада и я ничего сдѣлать не могу“. Такъ бѣднѣйшій Чезена и красуется до сихъ поръ на картинѣ съ своими ослиными ушами. Правда, быть можетъ онъ былъ слишкомъ смѣлъ, выступая съ критикой противъ геніальнаго художника; но послѣдствія показали, что и на его сторонѣ была не малая доля правды, за которую и выступили другіе съ гораздо большею рѣшительностію и успѣхомъ. При папѣ Павлѣ IV, одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Павла III-го возникала даже мысль совсѣмъ уничтожить не удобную картину. Къ счастью для искусства, эта мысль не была приведена въ исполненіе; но художнику Даніэлю де Вольтерру, ученику М. Анджели, было поручено одѣть на картинѣ нѣкоторыя фигуры, казавшіяся почему-либо въ своей наготѣ наиболѣе соблазнительными, за что ему и придано было особое насмѣшливое прозваніе (*braghettone*). Начатое де-Вольтерромъ продолжено было при Климентѣ XIII (въ XVIII в.) Этьенномъ, такъ что въ настоящее время мы уже не видимъ на картинѣ многого, что прежде въ особенности соблазняло зрителей и Пресвятая Дѣва напр. облеченная въ полную одежду, имѣетъ совсѣмъ обычный для христіанскаго взора видъ. Однако всѣ эти весьма немногочисленныя поправки не измѣняютъ общаго характера картины, которая и доселѣ остается все тою же странною выставкой множества обнаженныхъ тѣлъ. Эта странность еще болѣе усиливается благодаря тѣмъ положеніямъ, какія придаетъ художникъ своимъ фигурамъ. Повидному, М. Анджело поставилъ себѣ задачей

изобразить человѣческое тѣло во всѣхъ позахъ и движеніяхъ какія только для него возможны, не исключая даже самыхъ трудныхъ и рискованныхъ. Изъ всѣхъ этихъ, подь-часъ изумительныхъ, трудностей онъ выходитъ всегда блестящимъ побѣдителемъ, обнаруживая замѣчательно тонкое изученіе человѣческой мускулатуры и безошибочную технику въ исполненіи; но за то въ распредѣленіи дѣйствующихъ лицъ его картины видится иногда какой-то невообразимый хаосъ обнаженныхъ тѣлъ, совѣмъ не вызываемый свойствомъ сюжета. Группы ангеловъ съ орудіями страданій Спасителя изображены напр. такъ, какъ будто они застигнуты страшнымъ ураганомъ, который однихъ изъ нихъ совѣмъ сбиль съ ногъ, а другихъ заставляетъ употреблять самыя напряженныя усилія. Что это значить и какая мысль сюжета выражается такимъ изображеніемъ,—понять не легко. Но всего болѣе странной остается доселѣ главная фигура картины—грозный Божественный Судія. Представьте себѣ нагого, могучаго, мускулистаго атлета, который съ выпрямившимся станомъ и нѣсколько согнутыми колѣнами какъ-будто хочетъ прыгнуть съ облака на землю. Согнутую лѣвую руку онъ держитъ предъ грудью, а правую высоко поднялъ, какъ будто приготовляясь нанести кому-либо страшный ударъ. Длинные, вьющіяся кольца пряди кудрей спускаются на плечо. Лице—красиваго, безбородаго почти юноши, а на головѣ виднѣется что-то въ родѣ лавроваго вѣнка. И это—на страшномъ судѣ Христось—Спаситель! Нѣтъ, это Юпитерь, разящій титановъ, а никакъ не Христось. Очень можетъ быть, что, послѣ всего сказаннаго мною о знаменитой картинѣ, многіе съ презрительной улыбкой напомнятъ мнѣ судьбу Чезены; но я скорѣе соглашусь принять по ихъ суду то украшеніе, какимъ увѣнчалъ нѣкогда своего критика Микель-Анджело, чѣмъ стану называть бѣлымъ то, что мнѣ кажется чернымъ. Да, мнѣ думается, еще вопросъ, кому въ настоящемъ случаѣ больше принадлежитъ право на это пресловутое украшеніе: подсудимому, или его судьямъ.

Въ Римѣ очень много грандіознаго и колоссальнаго. Храмъ ли встрѣтите вамъ, мавзолей ли, колонна—все это до такой степени громадно и массивно, что поражаетъ васъ прежде всего именно своими размѣрами. И это не случайность, не дѣло вкуса; но имѣетъ свою идею, предназначено служить

выраженіемъ подавляющаго авторитета и величія. „Все это... такое pontificale!“ говорилъ намъ одинъ изъ римскихъ знакомыхъ, останавливаясь предъ громадныхъ размѣровъ картинами и колоннами и энергично потрясая поднятою вверхъ, крѣпко сжатою рукою. Да, именно „pontificale“, потому что все громадное и массивное, созданное подъ вліяніемъ папства, прежде всего предназначено служить для его прославленія, для утвержденія въ душѣ зрителей мысли о его недостижимомъ величіи. Это pontificale выражается не въ однихъ лишь размѣрахъ; оно бьетъ въ глаза и въ содержаніи надписей, и въ сюжетахъ памятниковъ и картинъ. Многие pontificale видѣли мы напр. въ храмѣ Св. Петра, pontificalia—все эти папскіе мавзолеи, pontificalia и все тѣ хвалебныя надписи, которыя въ изобиліи разсыпаны по зданіямъ, фонтанамъ и перекресткамъ Рима. Много такого встрѣчается, конечно, и въ ватиканѣ и вотъ это-то ватиканское pontificale мнѣ и хотѣлось-бы отмѣтить въ его художественныхъ сокровищахъ.

Когда вы любуетесь фресками ватикана, благоговѣнно созерцаете многочисленныя изображенія Пресвятой Дѣвы, святыхъ угодниковъ Божіихъ, или событій ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, никогда вы всетаки не можете забыть, что находитесь въ Римѣ и вблизи папскаго престола, потому что объ этомъ настойчиво напоминаетъ вамъ постоянно то тамъ то здѣсь встрѣчающееся pontificale. Картины учатъ васъ и, конечно, учатъ въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ направленіи, такъ что, если вы имъ повѣрите, неизбежно должны будете выйти изъ ватикана убѣжденнымъ папистомъ. Въ превосходныхъ образахъ знаменитыхъ художниковъ картины проповѣдуютъ вамъ о подвигахъ и величіи папства. Папа—это истинный благодѣтель человечества: онъ заботится объ устроении его общественной жизни, приводя напр. въ порядокъ и систему законы, (Григорій IX, издающій книгу своихъ декреталій—фреска Рафаэля въ Stanza della signatura ¹⁾) и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдствій.

¹⁾ Такъ называемыя станцы Рафаэля представляютъ собою четыре залы, при чемъ каждая носитъ свое названіе, а именно: Stanza dell'incendio di Borgo S. Spirito, stanza della signatura, stanza di Eliodoro u stanza di Constantino.

Нѣкогда громадныя орды варваровъ, предводимыя Аттилою, подступали къ Риму. Повидимому, близьокъ былъ часъ, когда отъ вѣчнаго города не осталось бы камня на камнѣ; но именно папа самоотверженно выступилъ ходатаемъ-печальникомъ за бѣдствующую имперію и, уступая его вдохновенному предстательству, грозный варваръ обратилъ назадъ свои орды и покинулъ Италію. (Левъ I предъ Аттилою—фреска Рафаэля въ stanza di Eliodoro). Позднѣе, страшный пожаръ опустошалъ одну изъ частей Рима, угрожая и древней базиликѣ Св. Петра, и опять папа, побуждаемый внушеніемъ свыше, торжественно появился на балконѣ храма и своею благословляющею десницею остановилъ разбушевавшуюся стихію (Левъ III на пожарѣ—фреска Рафаэля въ stanza dell' incendio). Папа—источникъ всякой власти на землѣ. Отъ него и короли и императоры получаютъ свои короны. (Коронованіе Карла Великаго Львомъ III и Лотаря—Иннокентіемъ II — фрески учениковъ Рафаэля въ stanza dell' incendio). Признавая это, лучшіе изъ государей преклоняются предъ папою и предоставляютъ ему даже и свѣтскую государственную власть. Императоръ Константинъ Великій на колѣнахъ подноситъ папѣ Сильвестру дарственную грамоту, уступая ему свои владѣнія въ Италіи, вмѣстѣ съ Римомъ (Donatio Constantini — фреска Джуліо Романо и Рафаэля — даль-Колле въ stanza di Constantino), а Карлъ Великій подтверждаетъ и расширяетъ это дареніе. (К. В. подписываетъ грамоту даренія—фреска Вазари въ Sala regia). Бывали, правда, и такіе нечестивцы-государи, которые осмѣливались возставать противъ папской власти; но папа торжествовалъ надъ ними, смирялъ и уничтожалъ своихъ враговъ. Императоръ Генрихъ IV пришелъ въ Каноссу и, въ присутствіи графини Матильды, въ смиренномъ видѣ кающагося цѣлуетъ туфлю Григорія VII, возсѣдающаго на тронѣ, испрашивая у него отпущеніе (Фреска Цуккерио въ Sala regia), а папа Григорій IX попираетъ и ниспровергаетъ въ прахъ императора Фридриха II силою своей анаемы (фреска Вазари въ Sala Regia). Торжество папской власти надъ всѣми антицерковными посягательствами свѣтскихъ государей аллегорически изображается въ „показаніи Иліодора“. Полководецъ Сирійскаго царя, по его приказу, покусился па сокровища іерусалимскаго храма; но, по молитвѣ первосвященника, Гос-

подъ послалъ двухъ ангеловъ и чудеснаго всадника, которые испровергли Иліодора и причинили ему многія раны (2 Макк. гл. 3-я). Аллегорическій характеръ картины ясно обнаруживается изъ того, что въ лицѣ молящагося первосвященника изображенъ папа Юлій II. (Фреска Рафаэля въ stanza di Eliodoro). Самымъ христіанскимъ просвѣщеніемъ своимъ міръ обязанъ папству; языческое общество въ лицѣ императора Константина получаетъ святое крещеніе отъ руки папы Сильвестра (Крещеніе Константина Сильвестромъ — фреска Франческо Пенни въ stanza di Constantino). Но гдѣ-же источникъ папской силы и величія, невольно думаетъ зритель, назидаясь всѣми этими художественными твореніями. Въ Божественныхъ полномочіяхъ, отвѣчаетъ ему картина, — въ тѣхъ полномочіяхъ, которыя унаслѣдовалъ папа отъ св. апостола Петра. Самъ Господь благословилъ надѣлать блаженнаго Петра всею полнотою церковной власти, вручилъ ему ключи царства небснаго и власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ. (Врученіе Господомъ ключей ап. Петру — фреска Перуджино въ Сикстинской капеллѣ). Цѣлая теорія развивается такимъ образомъ предъ взоромъ зрителя, и нужды нѣтъ, что многое въ ней не выдерживаетъ критики. Пусть давно уже наукою доказано, что дарственная грамота Константина представляетъ собою лишь грубый подлогъ и должна быть отнесена къ области совершенныхъ вымысловъ. Что за важность, если импер. Константинъ никогда и не получалъ крещенія отъ папы Сильвестра и тѣмъ-менѣе возможно изображеніе этого акта въ крещальнѣ С. Джіованни, при чемъ папа четвертаго вѣка оказывается въ тройной тиарѣ и совершаетъ таинство посредствомъ совѣмъ не употреблявшагося тогда обливанія. Пусть нѣсколько странно и такое представленіе евангельскихъ событій, когда Господь изображается въ буквальномъ смыслѣ вручающимъ громадныя ключи св. Ап. Петру. Римъ, какъ извѣстно, никогда особенно не церемонился съ фактами исторіи. Ему дорога не историческая правда, а нужно лишь оправданіе его теоріи. Не всякій посѣтитель ватикана обладаетъ настолько запасомъ научныхъ свѣдѣній, чтобы съ должною критикою относиться къ тому, что проходитъ предъ его взоромъ. Если же онъ все станетъ принимать на вѣру, то, подъ вліяніемъ нѣмой, но въ высшей степени краснорѣчивой проповѣди

ватиканскаго искусства, безъ сомнѣнія въ достаточной степени проникнется папскою идеей. Вѣнцомъ-же этой проповѣди нужно признать „залу непорочнаго зачатія“, гдѣ папа выставляется тѣмъ органомъ Божественнаго откровенія, тѣмъ непогрѣшимымъ учителемъ вѣры, какимъ впоследствии призналъ его ватиканскій соборъ, утвердившій папскую непогрѣшимость въ качествѣ догмата. Провозглашеніе Пиемъ IX-мъ (въ 1854 г.) новаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы было, какъ извѣстно, такимъ событіемъ, которое прямо приводило къ утверженію папской непогрѣшимости. По словамъ іезуита Шрадера „догматическое опредѣленіе непорочнаго зачатія представляетъ собою совершенно особенный актъ первосвященнической дѣятельности Пия IX-го, такой актъ, какого нельзя указать ни въ одно изъ предшествовавшихъ папствованій; ибо папа опредѣлилъ этотъ догматъ самостоятельно, своею собственною верховною властію, безъ содѣйствія собора; а такое самостоятельное опредѣленіе догмата заключаетъ въ себѣ въ то-же самое время, если не ясно и формально, тѣмъ не менѣе несомнѣнно и фактически, другое догматическое опредѣленіе, а именно рѣшеніе спорнаго вопроса: непогрѣшимъ ли папа въ дѣлахъ вѣры своею личностію, или же онъ долженъ выражать эту непогрѣшимость только во главѣ собора. Актомъ 8 декабря 1854 г. Пій IX хотя теоретически и не опредѣлилъ непогрѣшимость папы, но практически поставилъ ее на видъ“. Прославленію этого знаменательнаго въ исторіи развитія папской идеи событія и посвящена въ ватиканѣ особая зала. Вся главная, находящаяся противъ оконъ, стѣна этой залы занята громадною фрескою, на которой изображенъ самый моментъ провозглашенія новаго догмата. Въ отвѣтъ на смиренное прошеніе отъ лица всей церкви колѣнопреклоненныхъ кардиналовъ, Пій IX, стоя подъ балдахиномъ на возвышеніи трона, провозглашаетъ свое догматическое опредѣленіе, а сверху, съ облаковъ, благословляетъ его Самъ Богъ и торжествуютъ всѣ небожители. На фрескѣ, занимающей правую отъ оконъ стѣну, изображено собраніе знаменитѣйшихъ богослововъ и церковныхъ сановниковъ того времени, занимавшееся предварительнымъ обсужденіемъ новаго догмата; а на фрескѣ лѣвой стороны представленъ тотъ моментъ, когда Пій IX въ храмѣ Св. Петра возлагаетъ брилліантовую діадему на изоб-

раженіе непорочно-зачатой Дѣвы, находящееся надъ престоломъ капеллы хора. На срединѣ залы поставленъ интересный памятникъ, сооруженный на средства французскихъ религіозныхъ обществъ, коллегій и частныхъ лицъ и поднесенный въ подарокъ папѣ Пію IX-му въ 1877 г. отъ имени всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, въ воспоминаніе и прославленіе догмата непорочнаго зачатія. Памятникъ этотъ представляетъ собою большую эллиптической формы витрину превосходной парижской работы изъ драгоценнаго дерева, слоновой кости, эмали, перламутра и пр. съ тонкой рѣзьбой и изящными рисунками. На среднемъ гребнѣ, возвышающемся вдоль всей витрины, виднѣются надписи: „Pio IX, P. M. Orbis catholicus“, „Memores erunt nominis tui Africae (или Europae, Asiae, Americae) gentes“, при чемъ при каждой изъ этихъ надписей соотвѣтствующіе рисунки, изображающіе людей, животныхъ и растенія каждой части свѣта. На вершинѣ гребня стоитъ серебряная вызолоченная, украшенная голубою эмалью, статуя непорочно-зачатой Дѣвы съ короною на головѣ, а подъ нею тексты Свящ. Писанія: „Ave Maria, gratia plena: Dominus tecum“ etc. „Quia fecit mihi magna, qui potens est“ etc. (Лук. 1, 28. 49) и изображеніе сидящаго на тронѣ Пія IX-го. Верхнія, прикрытыя стеклами, помѣщенія самой витрины, а равно и множество выдвигаемыхъ ящичковъ въ ея пьедесталѣ, наполнены роскошно-переплетенными и украшенными книгами разной величины и формата, имѣющими видъ нарядныхъ альбомовъ. Въ этихъ книгахъ собственно и сосредоточивается главный смыслъ памятника: онѣ заключаютъ въ себѣ папскую буллу „Ineffabilis Deus“, опредѣляющую догматы непорочнаго зачатія, въ переводѣ болѣе чѣмъ на триста языковъ и нарѣчій міра, прославляя такимъ образомъ непогрѣшимаго учителя вѣры на языкахъ всѣхъ концовъ вселенной. Въ ряду лежащихъ подъ стекломъ нарядныхъ экземпляровъ есть одинъ съ надписью: „Empire de Russie“. Онъ имѣетъ видъ напрестольнаго евангелія, при чемъ крышка его изъ малахита, а на срединѣ и по угламъ ея пять круглыхъ изображеній Богоматери въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ. Такъ благочестивые католики и Россію привлекли къ участию въ торжествѣ папской идеи!

Но какъ чувствуетъ себя самъ великій носитель этой идеи? Такъ-ли и теперь преклоняются предъ нимъ государи

и народы, какъ проповѣдуютъ объ этомъ залы ватикана?— Увы! Времена перемѣнились и вотъ уже минуло тридцать лѣтъ, какъ папа, потерявъ и Римъ и всѣ свои владѣнія, превратился въ „ватиканскаго узника“. Сидитъ онъ безвыходно въ своемъ ватиканѣ и ни Пій IX, ни Левъ XIII ни разу не ступили на ту землю, которая стала принадлежать королю объединенной Италіи. Строгость папскаго затвора не допускаетъ никакихъ исключеній, такъ что даже латеранскій кафедральный соборъ римскаго епископа остается для него недоступнымъ. Передняя капелла этого собора нѣсколько лѣтъ отстраивалась и украшалась по мысли Льва XIII великолѣпнѣйшей мозаикой. Милліоны были затрачены на это дѣло и каждый рисунокъ представлялся на предварительное разсмотрѣніе папы, который принималъ въ постройкѣ самое горячее участіе; но теперь, когда чудная капелла давно готова и приводитъ въ восхищеніе всякаго посѣтителя, только тотъ, кто былъ ея строителемъ, не имѣлъ и не имѣетъ возможности, заключенный въ стѣнахъ ватикана, хотя бы одинъ разъ взглянуть на свое созданіе. За предѣлы дворцовыхъ зданій папа выходитъ только въ храмъ Св. Петра, непосредственно соединенный съ ними внутреннимъ ходомъ, да въ ватиканскіе сады. Эти сады занимаютъ, правда, очень большое пространство, — вдвое большее всей площади дворовъ и построекъ ватикана. Примыкая ко всей западной сторонѣ его и отдѣляясь отъ него лишь узкимъ проѣздомъ, который ведетъ къ музеямъ, сады расположены на самой вершинѣ холма и окружены старинною стѣной, которая построена еще въ девятомъ вѣкѣ папою Львомъ IV. И природа и искусство вступили въ дружный союзъ, чтобы сдѣлать ватиканскіе сады однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Рима. Тутъ и открытые цвѣтники, и огороды, и виноградники, и широкія проѣздняя аллеи, и небольшія тѣнистыя дорожки съ подстриженными стѣнами зелени, и луговины, и рощи. Благоухаетъ и улаживаетъ взоръ роскошная разнообразная растительность: пальмъ, лимоновъ, апельсинновъ, платановъ, пиній, эвкалиптовъ, акацій, грабовъ, вязовъ, дубовъ. Живыя изгороди изъ миртъ и плюща, разные вензеля, гербы и фигуры изъ цвѣтовъ и мелкаго кустарника придаютъ открытымъ пространствамъ видъ раскинутыхъ затѣйливаго рисунка ковровъ. То тамъ то здѣсь на

фонъ темной зелени красиво вырисовываются бѣломраморныя статуи, журчатъ фонтаны, виднѣется деревянная швейцарская хижина, или выглядываютъ колонны изящной каменной постройки. Есть здѣсь живописный гротъ изъ крупныхъ, положенныхъ на цементъ, камней, представляющій собою точную копію знаменитаго, прославившагося своими чудесами, грота въ Лурдѣ, и устроенный по желанію Пія IX-го, который отличался особенно сильнымъ благоговѣйнымъ почитаніемъ Пресвятой Дѣвы. Есть здѣсь величественный фонтанъ, выбрасывающій почти двадцати-аршинную струю воды, сила которой, въ десять лошадиныхъ силъ, въ послѣднее время эксплуатируется въ ватиканѣ для приведенія въ дѣйствіе шестисотъ лампочекъ электрическаго освѣщенія. Есть здѣсь два изящной архитектуры казино, или лѣтнихъ павильона, съ колоннами, статуями и барельефами, изъ которыхъ одинъ построенъ еще въ XVI вѣкѣ Піемъ IV-мъ, а другой—нынѣшнимъ папою. Есть, наконецъ, старинная круглая башня Льва IV, которую настоящій папа пользуется въ качествѣ дачи въ жаркое лѣтнее время. Стѣны этой башни, построенной нѣкогда въ стратегическихъ соображеніяхъ, имѣютъ до семи аршинъ толщины, такъ что въ амбразурѣ одного изъ ея задѣланныхъ оконъ Левъ XIII устроилъ теперь себѣ цѣлую спальню. Вотъ эти-то ватиканскіе сады и составляютъ въ настоящее время единственное мѣсто и пѣшей и конной прогулки „ватиканскаго узника“, такъ что прошло уже тридцать лѣтъ, какъ папа далѣе своего дворца, своего храма и своихъ садовъ никуда ни на одинъ шагъ не выступаетъ. Что-же значитъ этотъ затворъ?

Въ сентябрѣ 1870 года, уступая неотвратимому ходу историческихъ событій, папа пересталъ быть свѣтскимъ государемъ. Къ этому времени, еще съ тридцатыхъ годовъ начавшееся въ Италіи національное движеніе сплотило всю, дотолѣ раздробленную, страну въ единое политическое цѣлое, создавъ такимъ образомъ въ ряду европейскихъ государствъ новое итальянское королевство. Чтобы довершить это патріотическое дѣло, оставалось лишь присоединить къ новому королевству папскія владѣнія и Римъ сдѣлать его столицей. Государь-папа не въ силахъ былъ, самъ по себѣ, отстаивать остатки своихъ владѣній противъ всей объединившейся Италіи и единственною его опорой была Франція,

постоянно содержавшая въ Римѣ корпусъ войскъ, который и охранялъ независимость церковной области. Но франко-прусская война, потребовавшая крайняго напряженія силъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, заставила Наполеона III вывести войска изъ Рима, а вскорѣ затѣмъ окончилась, какъ извѣстно, жестокимъ разгромомъ Франціи и низложеніемъ и плѣномъ ея императора. Такой оборотъ событій былъ смертнымъ приговоромъ для свѣтской власти папы. Съ удаленіемъ французскихъ войскъ изъ Рима королю Италіи очищенъ былъ путь къ его давно желанной столицѣ, а общественное мнѣніе страны громко требовало, чтобы онъ не медлилъ сдѣлать этотъ послѣдній шагъ. Особою нотой 29 Авг. 1870 г. итальянское правительство заявило державамъ Европы о необходимости для себя занять Римъ и присоединить папскія владѣнія къ королевству Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ и итальянская армія двинулась къ границамъ церковной области. Король Викторъ-Эммануэль собственноручнымъ письмомъ извѣщалъ Пія IX о предстоящемъ занятіи Рима королевскими войсками и убѣждалъ его, ради блага родной страны, добровольно уступить неизбѣжному ходу событій, предлагая ему, какъ главѣ церкви, полную независимость и свободу дѣйствій; но святой отецъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сдѣлки съ врагами церкви. Итальянскія войска обложили Римъ, гдѣ, по приказанію папы и при его личномъ участіи, совершались усиленныя общественныя моленія. Слабый папскій гарнизонъ не въ силахъ былъ оказать серьезное сопротивленіе осаждающимъ, а потому, когда, при начавшейся 20-го сентября бомбардировкѣ, пробита была брешь у Porta Pia, папа торжественно заявилъ протестъ противъ насилія предъ собравшимися у него представителями иностранныхъ державъ и приказалъ поднять бѣлый флагъ на замкѣ св. Ангела. На слѣдующій день королевскія войска вступили въ Римъ, а папа затворился въ своемъ ватиканѣ. Послѣ всенароднаго голосованія, въ октябрѣ изданъ былъ декретъ о присоединеніи папскихъ владѣній къ королевству и о'перенесеніи въ Римъ его столицы, а въ декабрѣ и Викторъ-Эммануэль водворился въ квиринальскомъ дворцѣ.—Тотчасъ по занятіи Рима большинство здравомыслящихъ католиковъ могло еще безпокоиться за будущую судьбу своего церковнаго главы; но такому безпокойству

уже не могло быть мѣста послѣ того, какъ итальянскій парламентъ, такъ называемымъ закономъ о гарантіяхъ (3 мая 1871 г.), точно опредѣлилъ положеніе папы въ Римѣ и его отношенія къ королевству. По этому закону папѣ предоставлялась полная свобода дѣйствій въ осуществленіи его духовной власти: право созывать соборы по своему благоусмотрѣнію; безпрепятственно сноситься съ католическими епископами во всѣхъ странахъ; назначать епископовъ, отъ которыхъ итальянское правительство не требовало даже и присяги; быть безконтрольнымъ руководителемъ всѣхъ духовныхъ академій, училищъ и всякихъ религіозныхъ и воспитательныхъ учреждений; издавать буллы, энциклики и тнд. документы по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ безъ всякаго предварительнаго просмотра и разрѣшенія со стороны правительства. Личности папы были оставлены всѣ принадлежавшія ему высшія почести, ему ассигновано было отъ правительства 3,225,000 ливровъ ежегоднаго оклада и предоставлено полное пользованіе ватиканскимъ и латеранскимъ дворцами и замкомъ Кастель - Гандольфо, который служилъ дотолѣ папамъ лѣтнею резиденціей. Повидимому, послѣ этого закона, папа могъ-бы на предлагаемыхъ ему почетныхъ условіяхъ примириться съ совершившимся фактомъ, противодѣйствовать которому онъ былъ не въ силахъ, и возвратиться къ своему первоначальному, исключительно духовному положенію высшаго церковнаго главы; но единственнымъ его отвѣтомъ было упорное „non possumus“, которое и не замедлило выразиться въ дѣломъ рядѣ заявленій. Когда еще итальянскія бомбы летѣли въ Римъ, папа, какъ мы видѣли, уже протестовалъ противъ насилія предъ представителями европейскихъ державъ. Когда на замкѣ св. Ангела взвился бѣлый флагъ и королевскія войска заняли Римъ, папа опять издалъ торжественный протестъ противъ совершившейся оккупаціи. Когда, по состоявшемуся голосованію, Римъ объявленъ былъ столицею королевства, папа, 1-го ноября, издалъ энциклику, въ которой возставалъ противъ нечестиваго грабежа, жертвою котораго онъ сдѣлался, и произносилъ церковное проклятiе на всѣхъ участниковъ святотатственнаго разбоя. Наконецъ, и на законъ о гарантіяхъ онъ, 15 мая 1871 г., отвѣчалъ новой энцикликой, въ которой, съ негодованіемъ отказываясь отъ ассигнованнаго ему

содержанія, снова протестоваль противъ причиненнаго насилія. Изливая свою безсильную горестъ въ этомъ рядѣ рѣзкихъ протестовъ и проклиная своихъ оскорбителей, Пій IX затворился въ своемъ ватиканѣ и превратился въ „ватиканскаго узника“. Повидимому онъ твердо вѣровалъ, что бѣдствіе постигло папу лишь на время и что, когда исполнится мѣра ниспосланнаго Богомъ испытанія, католическій міръ возстанетъ на защиту своего оскорбленнаго папстыря и возстановитъ его въ его наслѣдін. Еще предъ взятіемъ Рима папа говорилъ графу Понца, послу В. Эммануила, „я не пророкъ и не сынъ пророческій, но могу васъ увѣрить, что и вы не останетесь въ Римѣ и не долго будете пользоваться плодами своего насилія“. И позднѣе онъ нѣсколько разъ высказывалъ ясно это убѣжденіе; но пора крестовыхъ походовъ, очевидно, миновала; никто не подумалъ вооружаться на защиту поправленныхъ правъ римскаго престола; идетъ теперь уже 31-й годъ, какъ папа пересталъ быть государемъ, а пророчество Пія IX-го и до сихъ поръ остается неисполненнымъ. Изъ всѣхъ его рѣчей по этому поводу правдивымъ оказалось, можно думать, только то, что онъ дѣйствительно былъ не пророкъ и не сынъ пророческій. А между тѣмъ, Викторъ Эммануиль съ своей стороны, сидя въ Римѣ, часто любилъ повторять: „мы здѣсь и мы здѣсь останемся!“.

Затвориться пришлось папѣ на долго. Зачѣмъ-же, однако, понадобился этотъ затворъ и что за смыслъ его? Поклонники оскорбленнаго папства утверждаютъ, что иначе Пій IX и поступить не могъ. Подъ впечатлѣніемъ національной побѣды, въ Римѣ водворилось такое возбужденное, ликующее настроеніе, при которомъ святому отцу опасно было показываться на улицахъ города и вообще гдѣ-либо предъ народной толпой. Могъ-ли онъ принимать участіе, какъ прежде, въ блестящихъ торжественныхъ богослуженіяхъ, когда теперь никакъ нельзя было ручаться за то, что, не смотря на святость мѣста, не разразится какая либо враждебная выходка, не произойдетъ какой нибудь скандалъ со стороны возбужденной толпы? Возможно ли ему было появляться, по прежнему, въ грандіозныхъ религіозныхъ процессіяхъ, своею красотою и величіемъ поражавшихъ нѣкогда міръ, когда на пути этихъ процессій предъ опечаленнымъ взоромъ перво-

священника, быть можетъ, развѣвались-бы отовсюду изъ оконъ и балконовъ пьмонтскіе флаги и подъ часъ слышались бы возгласы: „да здравствуетъ Гарibaldi!“ Любилъ прежде Пій IX и безъ всякой помпы совершать прогулки по Риму, иногда даже и выйти изъ своей кареты и пѣшкомъ пройти немного по Карсо; но могъ-ли онъ теперь отважиться на это, когда гуляющая толпа распѣваетъ оскорбительныя для папства шансонетки, когда въ витринахъ магазиновъ повсюду виднѣются листки, переполненные эпиграммами и карриатурами, главный предметъ которыхъ составляетъ изображаемая во всѣхъ возможныхъ видахъ сама священная особа папы?! При такихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, папѣ лучше было и даже прямою необходимостію являлось безвыходно сидѣть въ своемъ ватиканѣ. Но возбужденное настроеніе Рима было явленіемъ временнымъ и миновало очень скоро. Получивъ полное удовлетвореніе своимъ патріотическимъ стремленіямъ, римляне успокоились тѣмъ скорѣе, что никакъ не могли, конечно, отрѣшиться отъ тѣхъ чувствъ благоговѣнія и преклоненія предъ папствомъ, въ какихъ были воспитаны многими вѣками. Какъ католики, они чтили своего святаго отца, главу церкви и намѣстника Христова; а какъ граждане Рима прекрасно понимали, что именно пребывающій у нихъ папа даетъ ихъ городу міровое значеніе, привлекаетъ въ него сотни тысячъ людей и милліоны иностранныхъ капиталовъ. Лишь временная размолвка могла быть у нихъ съ папою, а никакъ не вражда. Разрѣшился политическій споръ, улеглось патріотическое возбужденіе и римскій народъ опять готовъ былъ толпиться предъ ватиканскимъ балкономъ и благоговѣнно падать ницъ подъ благословляющей папскою десницею. Мало того, сами паписты признаютъ, что никогда, повидимому, Пій IX не былъ окруженъ большимъ почетомъ, не получалъ болѣе щедрыхъ приношеній и не встрѣчалъ болѣе единодушныхъ, многочисленныхъ и торжественныхъ изъявленій преданности и любви, какъ именно тогда, когда онъ пересталъ быть государемъ. Если кого такимъ образомъ и можно назвать пророкомъ, то всего болѣе графа Кавура, который, ратуя за дѣло итальянскаго объединенія, усиленно доказывалъ Пію IX-му, что освобожденіе папства отъ несвойственной ему свѣтской власти будетъ лишь благоприятствовать

его религіозно-правственному возвышенію. Юбилейный праз-никъ 16 іюня 1871 г., когда папа „*unus aequavit annos Petri*“, былъ однимъ изъ блестящихъ подтвержденій этой мысли. Не прошло еще года, какъ Римъ взятъ былъ войсками ко-роля Італіи, а между тѣмъ папское торжество грандіозно отпраздновано было въ этомъ Римѣ всѣми католиками съ рѣдкимъ единодушіемъ и съ полнѣйшею свободой. Депута-ціи, адреса, богатѣйшія приношенія, письма и телеграммы стекались въ Римъ со всѣхъ концовъ міра. Нѣсколько не-дѣль продолжались приемы; адреса и привѣтствія напол-нили множество корзинъ и торжественно прочитаны не было никакой возможности. И римскій народъ всѣмъ серд-цемъ принималъ въ этомъ празднованіи самое горячее уча-стіе. Не прошло года послѣ взятія Рима, а ватиканскому узнику, очевидно, не было уже ни малѣйшей надобности скрываться отъ этого народа въ своемъ затворѣ. Еще менѣе было ему основаніи опасаться чего-либо враждебнаго со сто-роны итальянскаго правительства. Въ своихъ дѣйствіяхъ это правительство до такой степени строго сообразовалось съ принципомъ и буквою закона о гарантіяхъ, что папскія энциклики свободно читались во всѣхъ церквахъ и расклеи-вались повсюду на столбахъ и заборахъ, хотя бы въ нихъ и заключались рѣзкія нападки на итальянское правитель-ство. Почтительность Виктора Эммануила къ папѣ прости-ралась до того; что въ торжество папскаго 25-лѣтія онъ и отъ себя послалъ въ ватиканъ адъютанта, чтобы принести поздравленія, которыя однако не были приняты. Отъ такого правительства ватиканскому узнику, очевидно также, не было нужды скрываться въ затворѣ.

Если папа всетаки затворился, то никакъ не по насилію итальянскаго правительства и народа, а совершенно добро-вольно. Впрочемъ, нельзя сказать, что добровольно. Извѣст-ный мюнхенскій профессоръ, Др. Деллингеръ, еще въ эпоху ватиканскаго собора говорилъ: „папство выросло столѣтіями и нужны поколѣнія, если также не цѣлыя столѣтія, чтобы ввести его снова въ должныя границы. Личность папы, ка-кими-бы способностями и благими расположеніями онъ ни отличался, мало имѣетъ значенія. Разъ онъ избранъ, онъ становится безсильнымъ; онъ попадаетъ внутрь цѣлой си-стемы, связаннымъ и скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Сколько бы онъ ни боролся, въ концѣ концовъ онъ неиз-

бѣжно долженъ уступить“. Вотъ въ какомъ смыслѣ папа дѣйствительно „узникъ“, но не итальянское правительство является его тюремщикомъ, а тѣ самые друзья и сотрудники, которые его окружаютъ. Въ дѣлахъ, не задѣвающихъ традиціонной политики папства, или цѣлей и интересовъ иезуитовъ, папѣ предоставляется свобода дѣйствій; но внѣ этихъ границъ у него нѣтъ свободы. Онъ только органъ системы и партіи, которая съ удивительнымъ, выработаннымъ многими вѣками опыта, искусствомъ построила современную римско-католическую церковь и требуетъ безусловнаго подчиненія ея твердо—установленнымъ формамъ. Вотъ эта-то могучая система и превратила папу въ ватиканскаго узника. Она признаетъ безусловную необходимостію, чтобы папа былъ не только первосвященникомъ, но непременно и свѣтскимъ государемъ. Только при этомъ будто бы условіи глава церкви можетъ стоять вполне на высотѣ своего призванія. Свѣтская власть папы необходима для поддержанія достоинства и независимости церкви. Только опираясь на такую власть, папа можетъ быть вполне свободнымъ и независимымъ въ осуществленіи своихъ духовныхъ полномочій, можетъ смѣло возвышать свой голосъ, обращаясь не только съ совѣтомъ и наставленіемъ, но иногда и съ обличеніемъ, ко всѣмъ государямъ и народамъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. находясь подъ властію другаго свѣтскаго государя, онъ неизбежно будетъ стѣсненъ и въ своей духовной дѣятельности. Свѣтская власть такимъ образомъ мыслится какъ необходимое условіе для независимости и свободы власти духовной. И эта теорія до такой степени усвоена сторонниками папской системы, что возводится въ принципъ, для котораго подыскиваются уже и догматическія основанія. Очень можетъ быть, что недалеко то время, когда и свѣтская власть папы провозглашена будетъ догматомъ, какъ возвели на нашихъ глазахъ въ догматъ его непогрѣшимость. Если же такъ, то само собою разумѣется, что сторонники этой власти никоимъ образомъ не могутъ примириться хотя-бы и съ совершившимся фактомъ ея уничтоженія. Безсильные помѣшать этому факту, они не перестаютъ взывать къ католическимъ державамъ о восстановленіи прежняго порядка и изливаютъ свою горечь и злобу въ непрерывныхъ, ожесточенныхъ протестахъ. Одною изъ самыхъ энергичныхъ формъ этого протеста и является затворъ папы въ его ватиканскомъ

дворцѣ, при чемъ смыслъ и значеніе этого затвора, конечно не въ дѣйствительныхъ узахъ или неволѣ папы; а только въ его оппозиціи, въ упорномъ нежеланіи примириться съ совершившимся фактомъ итальянскаго объединенія и уничтоженія свѣтской власти римскаго престола.

Выражая собою въ настоящемъ случаѣ не личность, а систему, и современный папа идетъ по стопамъ своего предшественника. Какъ Пій IX не покидалъ ватикана до самой смерти своей, такъ и Левъ XIII сталъ ватиканскимъ узникомъ съ перваго-же дня избранія на папскій престолъ, вотъ уже почти двадцать три года строго блюдетъ свой затворъ и, конечно, умереть не выходя изъ заключенія. Правда, мѣсто его неволи не походить на ту суровую мамертинскую темницу, гдѣ томился нѣкогда тотъ Первоверховный Апостолъ, котораго преемникомъ онъ именуется. Не мрачный каменный мѣшокъ, не цѣпи и не пучекъ гнилой соломы составляютъ удѣлъ ватиканскаго „узника“, а чертоги и сады, переполненные такими богатѣйшими сокровищами искусства и природы, что всякій обыкновенный смертный, обладая ими, почиталъ бы себя безконечно счастливымъ. Однако, для протестующаго папы ватиканъ, при всѣхъ его необычайныхъ богатствахъ и красотахъ, всетаки является темницей. Папѣ въ немъ тѣсно, потому что его притязанія не имѣютъ границъ и онъ желалъ-бы обладать не клочкомъ ватиканской земли, а цѣлымъ міромъ. Папѣ въ немъ тяжело, потому что отовсюду давятъ и гнетутъ его тяжелыя воспоминанія о ягучихъ обидахъ и потеряхъ. Взглянетъ ли папа въ окно изъ своихъ апартаментовъ,—прямо предъ его взоромъ возвышается на холмѣ квиринальскій дворецъ, бывшій нѣкогда папской резиденціей, а теперь, увь!, занятый королемъ объединенной Италіи. Катается-ли папа, совершая свою обычную прогулку, по ватиканскимъ садамъ,—тамъ есть одно мѣстечко, гдѣ всякій невольнo остановится, чтобы полюбоваться чудною панорамой Рима; но на самомъ выдающемся планѣ роскошаго вида возвышается холмъ Яникулъскій, а съ его вершины вызывающе смотритъ на ватиканъ воздвигнутая благодарной Италіей, грандіозная конная статуя героя Гарибальди. Изъ бронзовыхъ устъ этого непримиримаго врага папства какъ бы постоянно слышатся любимыя слова его коронованнаго сотрудника: „мы здѣсь и мы здѣсь останемся“!